

Диалог с К. Д. Ушинским о воспитательном значении труда

Вопросы трудового воспитания в российской школе начали активно разрабатываться во второй половине XIX века. Большой вклад в развитие идей трудового воспитания в России внёс К. Д. Ушинский, который впервые поднял эту тему в 1860 году в статье «Труд в его психическом и воспитательном значении». В своей работе, опубликованной в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (№ 7), он высказал ряд замечательных идей о роли труда в жизни человека и в воспитании подрастающего поколения.

На примере жизни разных народов и сословий К. Д. Ушинский прежде всего показал насущную необходимость личного труда. Он писал: «Труд неприятен нам, как узда, накинутая на наше сердце, стремящееся к вечному, невозмутимому счастью; но без этой узды сердце, предоставленное необузданности своих стремлений, сбивается с дороги и, если оно порывисто и возвышенно, быстро достигает бездонной пропасти ничем не утолимой скуки и мрачной апатии, — если же оно мелко, то будет погружаться день за днём, тихо и незаметно в тину мелких, недостойных человека хлопот и животных инстинктов»¹. Если бы, говоря нашим современным языком, научно-технический прогресс достиг такого уровня, что человек освободился бы от необходимости трудиться, то, как пишет К. Д. Ушинский, «самоё развитие человечества остановилось бы: разврат и дикость завладели бы обществом, самоё общество распалось бы»²... и самой истории пришёл бы конец.

Такая же картина встречается и в частной жизни людей. Отец трудится, бьётся изо всех сил, чтобы избавить своих детей от необходимости трудиться, оставляет им состояние. Но что приносит это состояние детям? — «Оно весьма часто не только бывает причиной безнравственности в детях, не только губит их умственные способности и физические

¹ Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении // Собрание педагогических сочинений Константина Дмитриевича Ушинского. — Т. 1. — 4-е изд. — СПб., 1913. — С. 149.

То же: Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 2. Педагогические статьи 1857–1861 гг. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. — С. 333–361.

² Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. — СПб., 1913. — С. 144.

силы, но даже делает их положительно несчастными»³. С точки зрения К. Д. Ушинского, отец, который трудился всю жизнь, был несравненно счастливее детей, проживающих безо всякого труда нажитое состояние. Но, к сожалению, он не заботился о дельном воспитании: «К чему оно? — были бы деньги! Пусть-де воспитывается тот, у кого их нет. И не подумал он, что труд, а за ним и счастье сами сыщут бедняка; а богач должен ещё уметь отыскать их»⁴.

Приведя многочисленные примеры из жизни, литературы, истории, К. Д. Ушинский приходит к важному выводу о том, что труд действует на человека не только тем, что удовлетворяет его потребности, но и «собственной своей, внутренней, ему одному присущей силой» — **только эта духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, и счастья**. И эту силу нельзя ни отнять, ни купить, ни наследовать — она остаётся у того, кто трудится. Такое значение труда, по мнению Ушинского, коренится в самой психической основе труда. Но прежде чем выразить психологический закон труда, он объясняет, что следует понимать под самим словом «труд»: «Труд, как мы его понимаем, есть такая свободная и согласная с христианской нравственностью деятельность человека, на которую он решается по безусловной необходимости её для достижения той или другой истинно-человеческой цели в жизни»⁵.

По Ушинскому, труд может быть свободным, только если человек сам принимается за него по сознанию его необходимости. И тогда труд может нравственно возвысить человека. Труд же несвободный, из-под палки, наоборот, низводит человека на степень животного, разрушает его личность. По мнению Ушинского, не является свободным трудом и деятельность купца, надувающего покупателя, и чиновника, берущего взятки, и мошенника, и скряги, и прожигателя жизни. Если наслаждения не сопровождаются трудом, то они не только быстро теряют свою цену, но и также быстро опустошают сердце человека и отнимают у него одно за другим все его лучшие достоинства. В этом состоит неизменный закон жизни, утверждает К. Д. Ушинский.

По его мнению, человек не способен только наслаждаться, даже если речь идёт, например, о наслаждении искусством. Полнота и постоянство этого благородного наслаждения также покупается трудом. Только художник, посвятивший всю жизнь художественному труду, может

³ Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. — СПб., 1913. — С. 144.

⁴ Там же. — С. 145.

⁵ Там же.

вполне безопасно наслаждаться произведениями искусства. Страстные же собиратели картин начинают, может быть, и наслаждением, но оканчивают пустейшим тщеславием. Поэзия, музыка, живопись могут быть отдохновением от труда или должны находиться в живой связи с трудом человека. Когда они делаются предметом праздной прихоти, тогда действуют отрицательно на нравственное и умственное совершенство. И даже если речь идёт о наслаждении семейным счастьем, то, если оно не сопровождается трудом над собой, побуждающим обуздывать свой эгоизм, всё рассыпается в прах.

Действительно, наслаждения, как бы их много ни было собрано в одну жизнь, ещё не счастье. Это только мишурная пыль с крыльев того неуловимого призрака, за которым упорно гонятся люди. Азбучная истина **«праздность есть мать всех пороков»** — понята ли нами как глубокая и вечная, к каждому из нас приложимая истина?

К. Д. Ушинский убеждён, что труд истинный и свободный имеет такое значение для жизни человека, что без него она теряет свою цену и своё достоинство: без труда человек не может идти вперёд. Но и оставаться на одном месте, на той степени достоинства, которую уже достиг, он также не может — он непременно откатится назад. Предостерегающе звучат слова великого педагога о тех, кто хочет прожить жизнь без личного труда: «Если почему бы то ни было у человека не окажется своего личного труда в жизни, тогда он теряет настоящую дорогу и перед ним открываются две другие, обе одинаково губительные: дорога неутолимого недозволения жизнью, мрачной апатии и бездонной скуки, или дорога добровольного, незаметного самоуничтожения, по которой человек быстро спускается до детских прихотей или скотских наслаждений. На той и на другой дороге смерть овладевает человеком заживо, потому что труд — личный, свободный труд — и есть жизнь»⁶.

«*„В поте лица твоего снеси хлеб твой“*, — сказал Господь человеку, оставляя его за воротами рая и открывая перед ним широкую землю — труд сделался довершительным законом человеческой природы, телесной и духовной, и человеческой жизни на земле, отдельной и в обществе, необходимым условием его телесного, нравственного и умственного совершенствования, его человеческого достоинства, его свободы и, наконец, его наслаждений и его счастья»⁷. Такими словами К. Д. Ушинский формулирует психологический закон труда, его духовную, внутреннюю, животворную основу.

⁶ Там же. — С. 147.

⁷ Там же.

Взамен счастья, потерянного за грех, дан человеку труд, и вне труда нет для него счастья. «Карая, Господь сострадал Своему созданию; посылая смерть, полагал семена новой жизни. „Трудись!“ — сказал Он человеку, и в этом слове выразилась вся неполнота падшей природы человека и всё достоинство его земной жизни. Труд сделался отличительным признаком сына земли, знаком его падения и указанием пути к совершенствованию, признаком бессилия и залогом силы, цепью, накинутой природой на человека, и уздой в руках человека для обуздания самовластия природы, клеймом рабства и печатью свободы; жизнь и самоё счастье стали трудом; но зато в труде же нашёл человек и жизнь, и единственно достойное его счастье»⁸.

Из такого психического значения труда вытекает бесконечное множество последствий, но К. Д. Ушинский останавливается на тех, которые прямо относятся к делу воспитания. Он с сожалением констатирует: «Меркантильное направление нашего века, постоянно усиливающее свой натиск, проникло не только во все слои общества, во все сферы жизни, но даже в науку и в школу»⁹. Тем не менее воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а **приготавливать к труду жизни**. Воспитание должно развить в человеке **привычку и любовь к труду**, оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни. Но таково ли воспитание в настоящее время?

Кто не согласится с тем, что в течение уже нескольких десятилетий у нас вместо того, чтобы воспитывать у детей целостное мировоззрение, прививать им важнейшие духовные ценности и установки, одной из которых, безусловно, является любовь к труду, повсеместно — в обществе, в информационном пространстве, даже в школе — культивируется понятие успешности как средства для всемерного удовлетворения потребностей человека: достижения статуса, материального благополучия, комфорта, потребления бесчисленных наслаждений. Задумывается ли выпускник современной школы о духовной составляющей труда или воспринимает его лишь как средство улучшить своё материальное положение, как работу, за которую ему должны платить?

Между тем К. Д. Ушинский предупреждал: «Всякая школа, позабывшая изречение Спасителя „*Не о хлебе едином жив будеши*“ и приготовляющая человека только к материальной жизни, как бы утончённа эта жизнь ни была и сколько бы ни требовалось для неё познаний, не выполняет своего назначения: она не приготовляет человека к жизни, но на

⁸ Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. — СПб., 1913. — С. 158.

⁹ Там же.

первых же шагах сбивает его с настоящей дороги»¹⁰. Назначение школы должно состоять прежде всего в том, чтобы «показать человеку **то, что в нём есть самого драгоценного**, заставив его познать себя частицей бессмертного и живым органом мирового, духовного развития человечества»¹¹. Без этого все его фактические познания, иди он даже до глубочайших математических или микроскопических исследований, не только не принесут пользы, но и причинят ему вред.

Другое важное последствие, вытекающее из психического значения труда, состоит в том, что «воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объём сведений, но должно зажечь в нём **жажду серьёзного труда**»¹², которая не затухнет сообразно влияниям, окружающим человека в детстве и в юности. Для этого, считает К. Д. Ушинский, ему необходимо внушить **серьёзный взгляд на жизнь**. «Трудно представить себе, — пишет он, — что-нибудь противнее цели истинного воспитания, как тот лёгкий шутовской оттенок, который придают учению и даже вообще воспитанию некоторые педагоги, желающие позолотить для детей горькую пилюлю науки»¹³.

К. Д. Ушинский предостерегает от «забавляющего» обучения, вызванного желанием сделать процесс обучения как можно более лёгким. Детей необходимо приучать к труду, к преодолению трудностей, делая это, конечно, постепенно, по мере их взросления. «Учить играя можно только самых маленьких детей до семилетнего возраста, далее наука должна уже принимать серьёзный, ей свойственный тон. Мы не говорим о педантизме, о суровости; но даже прежняя педантическая, отталкивающая важность приносила менее вреда, чем завитая, смеющаяся сама над собой модная педагогика»¹⁴. Константин Дмитриевич с сожалением отмечает, что всеильная мода шутовства, охватившая все слои тогдашнего образованного общества, «действует чрезвычайно опустошительно, изгоняя из общества всякое разумное содержание». «Дельное воспитание, — пишет он, — должно бороться с таким достойным сожаления направлением общества и дать молодым людям положительно серьёзный взгляд на жизнь»¹⁵. Но для того чтобы учение и воспитание составляли главный интерес воспитанника, он должен быть окружён **благоприятной сферой**. «Если же всё, что окружает дитя или молодого человека, тянет его от учения совершенно в противоположную сто-

¹⁰ Там же. — С. 159.

¹¹ Там же. — С. 159–160.

¹² Там же. — С. 160.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. — С. 161.

¹⁵ Там же.

рону, тогда напрасны будут все усилия наставника внушить ему уважение к учению»¹⁶.

Мы знаем, насколько сложно в наше время обучать и воспитывать детей, находящихся почти непрерывно в загазованном, ядовитом информационном пространстве. Но даже в этих крайне неблагоприятных условиях мы должны стремиться к тому, чтобы внушить воспитаннику уважение и любовь к труду, и более того — сформировать у него привычку к труду, потому что дельный, серьёзный труд всегда тяжёл. В помощь педагогу К. Д. Ушинский приводит некоторые из средств, помогающих ему **сформировать в учениках привычку к труду**.

Так, «преподавание всякого предмета должно непременно идти таким путём, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько труда, сколько могут одолеть его молодые силы»¹⁷. Труд должен быть посильным, доступным, преодолемым, нельзя допускать перегрузок и неоправданных усложнений! Тем более, что **умственный труд** едва ли не самый тяжёлый труд для человека: того, кто не привычен к нему, он утомляет быстрее, чем самый сильный физический труд. К умственному труду организм ученика следует приучать понемногу, осторожно, в этом случае он сможет приучиться и преодолевать тяжесть труда, и испытывать те наслаждения, которые он доставляет. По сути, преодолевая тяжесть труда, ученик приучается познавать радость от преодоления самого себя. Действуя таким способом на ученика, учитель вырабатывает у него «привычку легко и без всякого вреда для здоровья выносить продолжительный умственный труд». Вместе с этой привычкой трудиться умственно приобретается и любовь к такому труду или даже жажда его, так что «человек, привыкший трудиться умственно, скучает без такого труда, ищет его и, конечно, находит на каждом шагу»¹⁸.

Невольно с болью в сердце осознаёшь, что в нашей современной школе это заповеданное великим педагогом ключевое правило воспитания и обучения оказывается категорически нарушенным.

Навязанные системе образования бездарные наукообразные методики, а с ними и учебники, уже в начальной школе, вместо того чтобы пробуждать в детях интерес к предмету, постепенно приучать к умственному труду, помогать преодолевать его тяжесть, убивают у них не только интерес и любовь к предмету, но и желание учиться, саму потребность в труде. Из-за этого за частоколом бессмысленных, запутанных, никому

¹⁶ Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. — СПб., 1913. — С. 162.

¹⁷ Там же. — С. 163.

¹⁸ Там же.

не нужных схем, инструкций и усложнений для детей так и остаются сокрытыми красота слова, красота чисел, гармония математической природы.

Я разделяю убеждение в том, что мир, сотворённый Богом, целиком математичен, а математика целиком религиозна. Это наука, которая работает с нематериальными объектами, оперирует понятиями бесконечности, комплексных чисел и так далее. Не случайно К. Д. Ушинский очень серьёзно занимался созданием математической школы, придавая математике огромное воспитательное значение. Не без его заслуг русская математическая школа в педагогике ещё до недавнего времени признавалась лучшей. А теперь математика вдруг превратилась для большинства наших школьников в недостижимую сферу. И, к сожалению, это касается не только математики.

Считаю, что задача школы не в том, чтобы механически транслировать детям установленный набор знаний. Настоящий учитель прежде всего стремится через свой предмет открыть красоту и совершенство Божьего мира, помогает понять его смысл, пробуждает в детях интерес и жажду созидания, способность логически (и критически) мыслить, творчески развиваться и радоваться самому учению, то есть на всю жизнь закладывает в своих учениках привычку и любовь к труду.

Но возвратимся к Ушинскому. Очевидно, что во избежание перегрузки детей необходимо предусматривать отдых, но он «не состоит в том, чтобы ничего не делать, а в том, чтобы переменить дело: труд физический является не только приятным, но и полезным отдыхом после труда умственного»¹⁹. Для младших учеников должно быть дано время и для игр, но чтобы игра была настоящей игрой, нужно, чтобы ребёнок никогда ею **не пресыщался** и привык **без принуждения покидать её для работы**. В любом случае необходимо сделать для воспитанника **невозможным пустое препровождение времени**, «когда человек остаётся без работы в руках, без мысли в голове; потому что в эти именно минуты портится голова, сердце и нравственность»²⁰. Часто же дети после учебных занятий «решительно не знают, что с собой делать, и мало-помалу привыкают убивать время». В наше время они попросту сидят в интернете. Константин Дмитриевич с горечью пишет о губительности такой привычки: «Эта привычка, приобретённая ещё в юности, находит потом себе обильную пищу в обществе, которое обыкновенно дружно и из всех сил

¹⁹ Там же. — С. 163.

²⁰ Там же. — С. 164.

хлопочет, как бы доконать время: как будто его дано человеку слишком много!»²¹

Ещё одну опасность пустого препровождения времени К. Д. Ушинский находит не только за дверьми класса, но и в самом классе. Пока учитель объясняет урок, ученики, зная, что найдут его содержание в учебнике, просто смотрят на него и не слышат ни одного слова из того, что он говорит. Когда же на следующем уроке он спрашивает двух-трёх учеников, остальные в это время считают себя свободными решительно от всякого дела, приобретая со временем «гнусную привычку оставаться целые часы ничего не делая и ничего не думая». «Должно иметь методу, — пишет К. Д. Ушинский, — которая помогает учителю держать внимание всех своих слушателей постоянно в возбуждённом состоянии. Не спорим, что это трудно и для учителя, и для ученика; но... ни один наставник не должен забывать, что его **главнейшая обязанность состоит в приучении воспитанников к умственному труду и что эта обязанность более важна, нежели передача самого предмета**»²². Напомним, что самим К. Д. Ушинским было сделано многое для того, чтобы с помощью разработанных им методик учителя смогли удерживать внимание учеников.

Завершая статью, педагог ещё раз напоминает всем нам о том, что «воспитание должно неусыпно заботиться, чтобы, с одной стороны, открыть воспитаннику возможность найти себе полезный труд в мире, а с другой — внушить ему неутолимую жажду труда». «Труд, конечно, бремя, — пишет он, — но бремя, без которого возможное соединение человеческого достоинства и счастья невозможно, — бремя, которое должен нести человек, если хочет прийти к тому невозмутимому спокойствию, к которому призываются только *трудящиеся и обремененные*»²³.

А теперь, если говорить в целом о современных проблемах обучения и воспитания детей, то следует признать, что за последние десятилетия серия так называемых модернизаций нашего образования оказала на него откровенно разрушительное воздействие. Как итог, сейчас значительная часть школьников, нацеленная на праздность, не хочет ни учиться, ни трудиться и, более того, не понимает уже и смысла самой жизни.

Мы пожинаем плоды провозглашённой реформаторами установки на то, что школа — это услуга рынка, а стратегию образования должен определять бизнес. Получается, как в известном ветхозаветном сюжете:

²¹ Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. — СПб., 1913. — С. 164.

²² Там же. — С. 165.

²³ Там же.

«Мы не успели выйти из безбожного Египта и не успели ещё дойти до православного Ханаана, как нам в пустыне безверия подсунули золотого тельца, и мы теперь хороводим вокруг новой идеи обогащения». Ушинский же писал: «Чем обеспеченнее будущее состояние воспитанника... тем более должен расширяться перед ним горизонт мира, в котором для всякого, кто **понимает назначение жизни человека и научился сочувствовать интересам человечества**, найдётся довольно почтенного и полезного труда. Чем богаче человек, тем выше, тем духовнее, тем более философское должно быть его образование, чтобы он умел сыскать себе достойный труд по сердцу... Возможность труда и любовь к нему — лучшее наследство, которое может оставить своим детям и бедный и богат»²⁴. И задача современного образования, говоря словами Ушинского, — подготовить таких молодых людей, которые понимают назначение жизни человека и научились сочувствовать интересам человечества, — тогда они смогут найти себе достойный труд по сердцу. Это лучшая «услуга», которую может оказать школа современному молодому человеку.

У нас нет времени унывать и опускать руки. Будем делать всё возможное для возрождения лучших отечественных образовательных традиций.

Как писал в своём дневнике К. Д. Ушинский, «в поте лица, в пыли презрения, под знойными лучами пекущего солнца, рискуя жизнью, бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и всё-таки работать до конца жизни. Отдать всё потомкам, не ожидая награды ни на земле, ни на небе, — знать это и всё-таки отдать им и жизнь свою... Велико назначение! Труднейшая, бесславнейшая доля в массе трудов человечества — лучшая доля, величайшая доля!»

²⁴ Там же.